

Дискуссия вокруг эвтаназии: от философской рефлексии нового времени к современному биоэтическому дискурсу

В.В. Буланов, Р.Н. Башилов, С.М. Башилова

ФГБОУ ВО Тверской ГМУ Минздрава России, г. Тверь

Анализируется эволюция дискуссии вокруг эвтаназии. По мнению авторов, первоначально, в эпоху Нового времени, данная дискуссия имела теоретический характер, базировалась на философской рефлексии. Затем, в XX – в первой четверти XXI в., она становится частью биоэтического дискурса, опираясь на эмпирический опыт, полученный в государствах, легализовавших эвтаназию. Авторы статьи отмечают появление исследований проблемы эвтаназии, пытающихся совместить философскую рефлексию и эмпирический опыт, и считают, что такие исследования могут помочь решить данную проблему.

Ключевые слова: эвтаназия, биоэтика, смерть, гуманизм, автономия.

Дискуссия вокруг эвтаназии длится уже не одно столетие. Но если сначала, в эпоху Нового времени, она была актуальна преимущественно лишь для заинтересованных философов и врачей, то в XX столетии приобрела широкое общественное звучание, стала важной частью современного биоэтического дискурса. Давайте выясним, как это произошло.

Всё началось с того, что английский философ Френсис Бэкон в начале XVII в. провозгласил продление жизни одной из задач медицины [2, с. 258]. При этом он в работе «О достоинстве и приумножении наук» впервые заявил, что совершение эвтаназии неизлечимым больным является долгом врача [2, с. 268]. Бэкон признавал, что в среде врачей «существует своего рода священный обычай оставаться у постели больного и после того, как потеряна последняя надежда на спасение» [2, с. 269]. И он решил доказать необходимость отказа от данного обычая. Какие же он привёл аргументы? Их было три. Во-первых, по его мнению, нежелание врача совершать эвтаназию несовместимо с гуманностью, потому что он может сделать для больного «смерть более лёгкой и спокойной», а по этой причине «эвтанасия... является немалым счастьем» [2, с. 268]. Во-вторых, Бэкон полагал, что желать эвтаназии не постыдно, т. к. «умереть столь же естественно, как и родиться» [3, с. 355] и желать смерти может не только несчастный человек, но и человек, который «пресытился жизнью» [2, с. 378]. А неизлечимый больной, несомненно, может стремиться умереть по обеим этим причинам. В-третьих, для Бэкона нежелание современных ему врачей практиковать эвтаназию коренится в приверженности суевериям, которая приносит «приносит величайшее зло» [1, с. 30], в частности, неизлечимым больным, жаждущим прекращения страданий. Для английского философа к числу таких суеверий относится понимание смерти, при-

сущее религии. В связи с этим он провозглашает следующее: человек может лишь истолковать природу и работать над соединением или разделением природных тел, «свыше этого он не знает и не может» [1, с. 12]. Таким образом, для Бэкона «лучшее из всех доказательств есть опыт, если только он коренится в эксперименте» [1, с. 35]. А раз религиозное понимание смерти не может быть экспериментально проверено, оно, по мнению этого английского философа, оно не должно восприниматься врачом в качестве причины отказа от проведения эвтаназии.

Религиозно настроенные мыслители Нового времени, к примеру, Джордж Беркли и Сёрен Кьеркегор, не могли принять третий аргумент Бэкона в пользу приятия эвтаназии и потому осуждали её. Что касается светски настроенных философов той эпохи, то из них лишь в конце XVIII в. Иммануил Кант оспорил одобрителное отношение Бэкона к эвтаназии в произведении «Основы метафизики нравственности». Кант при этом исходил из того, что субъективно значимое желание человека (т. е. максима его воли) должно подчиняться универсальному нравственному закону – категорическому императиву. Кантовский категорический императив гласит, что, надо поступать так, чтобы «ты всегда относился к человечеству и в своём лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» [6, с. 648]. Поэтому, по Канту, «сохранять свою жизнь есть долг» [6, с. 621]. Ведь если человек, «для того, чтобы избежать тягостного состояния, разрушает самого себя, то он использует лицо только как средство для сохранения сносного состояния до конца жизни», но он же не должен использоваться самого себя лишь как средство, поэтому эвтаназия нравственно неприемлема [6, с. 648].

Кантовским игнорированием права человека на субъективное нежелание продолжать свою жизнь в середине XIX столетия возмутился другой немецкий мыслитель, чуждый религиозности, – Артур Шопенгауэр. Он в книге «Афоризмы и максимы» в противовес Канту писал, что «каждый непосредственно имеет дело со своими представлениями, чувствами и движениями воли» [14, с. 466], то говорить о каком-либо категорическом императиве не имеет смысла. А раз это так, то, по мнению Шопенгауэра, нет никаких универсальных критериев, опираясь на которые можно осуждать того человека, для которого «жизнь становится постыла и вследствие этого возникает наклонность к самоубийству» [14, с. 477]. Потому и стремление совершить самоубийство посредством эвтаназии для этого немецкого философа нравственно приемлемо.

В свою очередь Фридрих Ницше в произведении «Так говорил Заратустра», написанном в 1880-е гг., подверг критике указанные точки зрения Канта и Шопенгауэра. Ницше, как и Шопенгауэр, не согласился с Кантом в том, что человек не вправе решать, как и когда ему умереть. Так, Ницше писал, что человек относится к смерти неправильно, если его смерть «крадётся, как вор, но входит как победитель» жизни. А вот правильная смерть – это «свободная смерть, которая приходит ко мне, потому

что я хочу» [8, с. 76]. Поэтому этот немецкий мыслитель призывает человека: «умри вовремя!» [8, с. 75].

Вместе с тем Ницше, в отличие от Шопенгауэра, убеждён в том, что только самому презренному из типов человека – последнему человеку – законченному гедонисту и неженке, лишённому чувства достоинства, свойственно желание избегать тягот умирания посредством принятия яда [8, с. 18]. Ницше допускает самоубийство, но не ради избавления от страданий, а лишь в том случае, если у человека уже нет возможности следовать цели своей жизни, но есть продолжатели дела его жизни. Лишь в этом случае его «смерть... для живущих становится... обетом» [8, с. 75] и потому священна, неважно, при помощи эвтаназии или путём отказа от пищи.

Так, на протяжении XVII-XIX вв. сложились основные точки зрения сторонников и противников эвтаназии.

В XX столетии полемика по поводу эвтаназии обострилась и получила широкий общественный резонанс. Это связано с активным продвижением идей «легкой смерти» и расширяющимся масштабом легализации различных форм эвтаназии в государствах, где влияние христианской церкви и, соответственно, противников эвтаназии, было незначительным.

Первая попытка легализации эвтаназии была предпринята в Советской России в 1922 г. В течение шести месяцев в примечании к статье 143 Уголовного кодекса РСФСР присутствовала норма, согласно которой не следует наказывать человека за убийство, совершенное им по просьбе убитого и мотивированное чувством сострадания к тяжело или неизлечимо больным людям. Но т. к. факт сострадания было доказать невозможно, данная норма была исключена из советского законодательства [7, с. 156].

Вторую такую попытку не только предприняли, но и сделали на многие годы частью государственной политики в нацистской Германии. В этой стране в 1939–1941 гг. официально, а до 1945 г. фактически шла реализация евгенической программы «Эвтаназия» (Aktion T4, «Операция T4»). Фактически эта программа была нацелена на уничтожение тех, кто считался расово неполноценным или обузой для «чистой арийской расы» (например, психически больных, престарелых, инвалидов). Число жертв нацистских врачей-убийц составило не менее 200 тысяч человек. Не менее печально было то, что убийцами оказались медики, которые ранее давали клятву заботиться о благе пациентов, но при этом не страдали от каких-либо моральных внутренних конфликтов. Тем самым сама идея эвтаназии оказалась надолго скомпрометированной.

Против нацистской эвтаназии выступили философы, призывающие противопоставить дегуманизации благоговение перед жизнью, как, например, немецкий врач и теолог Альберт Швейцер в книге «Культура и этика» [13, с. 484] и любви к жизни, как немецко-американский мыслитель Эрих Фромм в произведении «Анатомия человеческой деструктивности» [12, с. 463]. С позиции экзистенциализма эвтаназию отверг и немецко-американский мыслитель Пауль Тиллих, который в работе «Мужество

быть» утверждал, что человек должен суметь остаться жить после трагедии, быть вопреки ей [10, с. 33].

Тем не менее, к концу XX в., когда сформировался современный биоэтический дискурс, у эвтаназии оказалось немало сторонников. Недалеко от 2002 г. в Нидерландах начали легально практиковать активную эвтаназию. Затем к Нидерландам в этом присоединились Бельгия и Люксембург, Канада, Швейцария, Испания, Германия, Австралия, а также часть штатов США. Мало того, в мире начала XXI в. не только растёт количество государств с официально допускаемой активной эвтаназией, но и в ряде государств сильно смягчились ограничения к его проведению. В частности, если в 2002 г. в Нидерландах пациенты, претендующие на активную эвтаназию, должны были быть взрослыми (совершеннолетними), добровольными (свободными от принуждения), рациональными (компетентными), умирающими (терминальными), то теперь часть из данных требований отменена. Так, теперь в Нидерландах активную эвтаназию можно применять к людям, страдающим неврозами, а также к людям, страдающим психическими заболеваниями, причем компетентность уже не обязательна, когда есть согласие родственников. А в 2014 г. в Бельгии вообще была узаконена эвтаназия детей без возрастных ограничений. Таким образом, как представляется, если до начала XXI в. право на достойную смерть рассматривалось в фокусе принципа уважения автономии пациента, имевшего право на самоопределение, то затем, по мере расширения легального доступа людей к эвтаназии, соблюдение этого принципа становится не обязательным.

В последнее десятилетие возник «эвтаназийный туризм», потому что законодательство Швейцарии позволило врачам выписывать смертельные лекарства и иностранным гражданам. В современную Швейцарию в качестве туристов потянулись неизлечимо больные люди, полные решимости покончить с жизнью, отягощенной невыносимыми болями и страданиями. Но это ещё не предел скатывания по наклонной плоскости в этическом смысле, т. к. в Канаде уже решается вопрос о добровольном уходе из жизни людьми, которые не могут оплатить коммунальные услуги. Если этот вопрос будет одобрен на законодательном уровне, то «эвтаназийный туризм» превратится в суицидальный туризм, что совсем уже неприемлемо. По нашему мнению, если эвтаназию (в классическом понимании) и «эвтаназийный туризм» всё-таки можно рассматривать как акт гуманизма, в том числе к жителям другой страны, где эвтаназия запрещена (например, таковы все мусульманские государства), то прибегать к умерщвлению человека и содействию суицида по экономическим причинам – это аморально и цинично.

Таким образом, эвтаназия, как биоэтическая практика, в первой четверти XXI столетия явно демонстрирует проблемность и неоднозначность своей «адаптационной» функции. А исследователи биоэтических проблем ведут друг с другом дискуссии, разделившись на убеждённых сторонников и непримиримых противников эвтаназии. В том числе и в со-

временной Российской Федерации, где эвтаназия законодательно запрещена как одна из форм убийства. За сохранение данного положения в российском законодательстве ратует немало современных мыслителей, причастных биоэтическому дискурсу, в частности, В.Д. Жирнов. Он в статье «Об упокоении эвтаназии» утверждает, что термин «эвтаназия» абсурден и порочен, так как провозглашает лишение жизни человека, который и так находится на грани существования, чуть ли не благородным поступком. По мнению Жирнова, законодательное одобрение эвтаназии в Российской Федерации неизбежно приведёт к подрыву и замене традиционной врачебной этики, основанной на принципах Гиппократовых, на «терминологически химеричную» биоэтику, пронизанную «формальной законностью» в американском духе [5, с. 135].

Приверженцы эвтаназии рассматривают её как средство «заботы о себе». Их аргументы основаны на идее гармонии между жизнью и смертью, праве человека на достойную смерть, утверждении о том, что смерть лучше, чем страдание, а также на принципах уважения автономии и целостности человека [9, с. 3]. Показательна точка зрения, обоснованная П.Д. Тищенко в книге «Био-власть в эпоху биотехнологий». Он анализирует изменения в общественном сознании, происходящие в контексте биотехнологий, и отмечает, что общество активно обсуждает моральные аспекты эвтаназии, рассматривая право человека на радикальное изменение своего существования как автономного субъекта. Умиравший, осознавая себя как независимую личность, требует возможности получить помощь для достойного завершения своей жизни. При этом он пребывает в мучительном состоянии потери «себя» из-за вторжения разрушительного хаоса в его существование [11, с. 143]. Поэтому достойной смертью для человека является не просто безболезненная смерть, но смерть, автором которой является не хаос болезненных, патологических процессов, а решение, принятое автономной «самостью» самого умирающего человека. Человеческую «достойность» этой смерти, по Тищенко, придаёт то, что такая смерть – это цель рационального действия, и она должна быть выбрана и осуществлена этим же человеком, не важно, им самостоятельно или с помощью другого человека по его просьбе [11, с. 146].

Проблема эвтаназии анализируется в современном биоэтическом дискурсе и по другую сторону данной полемики. Такова, в частности, концепция гармонии жизни и смерти, выдвинутая А.В. Демичевым в одной из работ. По мнению её автора, средневековый идеал гармонии жизни и смерти, будучи философски обоснованным, может стать предпосылкой для вдумчивого исследования и, возможно, решения современных актуальных проблем, в том числе, связанных с длительной дискуссией об эвтаназии [4].

Как видится, появление указанной концепции свидетельствует о включении в дискуссию об эвтаназии диалектического закона единства и борьбы противоположностей. Тезисом в данной дискуссии стала отвлеченно

философская полемика с аргументами как «за», так и «против» эвтаназии. Антитезисом – формирование биоэтических концепций сторонников и противников эвтаназии, апеллирующих к эмпирическому опыту государств, где эвтаназия уже легализована. Наконец, примером синтеза представляется концепция А.В. Демичева, объединяющая теорию и эмпирику воедино, чтобы, наконец, найти взвешенное решение проблемы эвтаназии.

Список литературы

1. Бэкон Ф. Новый органон, или истинные указания для истолкования природы // Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1972. Т. 2. С. 5–222.
2. Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1971. Т. 2. С. 85–576.
3. Бэкон Ф. Опыты или наставления нравственные и политические // Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1972. Т. 2. С. 347–486.
4. Демичев А.В. Гармония жизни и смерти. URL: // <http://anthropology.ru/ru/text/demichev-av/garmoniya-zhizni-i-smerti> (жата обращения – 04.02.2025).
5. Жирнов В.Д. Об упокоении эвтаназии // Вестник РФО. 2010. № 1. С. 134–139.
6. Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Критика чистого разума. М.; СПб.: АСТ, 2007. С. 611–676.
7. Капинус О.С. Убийства: мотивы и цели. М.: ИМПЭ-ПАБЛИШ, 2004. – 311 с.
8. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Культурная революция, 2007. Т. 4. 432 с.
9. Репина С.М., Башилов Р.Н. Биоэтический дискурс об эвтаназии // Перспективы науки. 2010. № 5 (7). С. 19–24.
10. Тиллих П. Мужество быть / пер. с англ. О. Седаковой // Символ. 1992. № 28. С. 7–119.
11. Тищенко П.Д. Био-власть в эпоху биотехнологий. М.: ИФРАН, 2001. 177 с.
12. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. Минск, 1999. 624 с.
13. Швейцер А. Культура и этика // Швейцер А. Упадок и возрождение культуры. Избранное. М.: Прометей, 1993. С. 287–506.
14. Шопенгауэр А. Афоризмы и максимы // Шопенгауэр А. Афоризмы и максимы. Москва; Харьков: ЭКСМО, 1998. С. 463–720.

The discussion around euthanasia: from philosophical reflection of modern times to modern bioethical discourse

V.V. Bulanov, R.N. Bashilov, S.M. Bashilova

Tver State Medical University, Tver

The authors of the article analyze the evolution of the euthanasia debate. In their opinion, initially, in the Modern era, this discussion was of a theoretical nature, based on philosophical reflection. Then, in the 20th century, in the first quarter of the 21st century, it became part of the bioethical discourse, based on empirical experience gained in states that legalized euthanasia. The authors of the article note the emergence of research on the problem of euthanasia, trying to combine philosophical reflection and empirical experience, and believe that such research can help solve this problem.

Keywords: *euthanasia, bioethics, death, humanism, autonomy.*

Об авторах:

БУЛАНОВ Владимир Владимирович – доктор философских наук, доцент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества, ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет», г. Тверь. E-mail: althotas3111978@mail.ru

БАШИЛОВ Роман Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества, ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет», г. Тверь. E-mail: bashilov.r@mail.ru

БАШИЛОВА Светлана Михайловна – кандидат философских наук, доцент кафедры организации и информатизации здравоохранения ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет», г. Тверь. E-mail: bashilova.c@mail.ru

Authors information:

BULANOV Vladimir Vladimirovich – PhD (Philosophy), Associate Professor of the Department of Philosophy and Psychology with courses in bioethics and history of the Fatherland, Tver State Medical University, Tver. E-mail: althotas3111978@mail.ru

BASHILOV Roman Nikolaevich – PhD, Associate Professor of the Department of Philosophy and Psychology with courses in bioethics and history of the Fatherland, Tver State Medical University, Tver. E-mail: bashilov.r@mail.ru

BASHILOVA Svetlana Mikhailovna – PhD, Associate Prof., Dept. of Public Health and Health Service with the courses of management, Tver State Medical University, Tver. E-mail: bashilova.c@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.01.2025.

Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2025.